

Как выйти из Глупова: Щедрин о разрыве цикла «русской вечности»

Нет, это не бред. Щедрин видел выход — или, точнее, знал, где выхода нет. И это почти одно и то же.

Вся его система образов выстроена вокруг одного невысказанного, мучительного вопроса: почему умная, честная мысль не может победить в стране, где она заведомо права? Ответ — в самой ткани его текстов, если читать их не как сатиру на чиновников, а как диагноз механизму. И этот диагноз включает в себя — пусть и горький, пусть и неполный — путь к лечению.

I. Что держит Глупов в цикле: «испуг» как первородный грех

В «Наших глуповских делах» есть один пронзительный пассаж, на который редко обращают внимание. Щедрин изо всех сил ищет в глуповской жизни «то примиряющее звено, которое в истории является посредником между прошедшим и будущим» — и не находит ничего, кроме «тупого испуга». «Испуг, испуг и испуг!» — повторяет он как заклинание. И задаёт вопрос, который выбивает почву из-под ног: «возможна ли такая история, которой содержанием был бы непрерывный бесконечный испуг?»[1]

Это центральный ключ. Цикл держится не на злой воле правителей — Щедрин всегда понимал, что персонажи вторичны. Цикл держится на **страхе как способе существования**. Не страхе перед чем-то конкретным, а страхе как онтологическом состоянии. Глуповица разливается — «под

этот гул славно спится глуповцам». Пересыхает — «под это журчание славно спится глуповцам». Надувается — «под звуки этого шлёпанья славно спится глуповцам». Сон как ответ на любое время года, на любые обстоятельства — это и есть первородный грех Глупова. Не глупость (само название — ловушка), а именно **воля к не-пробуждению**.^[1]

«Хорошие люди» доброго старого времени откусывали от Иванушки и пели: «покатаюся, поваляюся на Иванушкиных косточках, Иванушкина мясца поевши!» Но что делал при этом сам Иванушка? «Дурак Иванушко, чему смеёшься? Или сердце в тебе взыграло? Или пахло на тебя свежим воздухом?» — спрашивает Щедрин с горькой нежностью. И тут же: «Сам господин Зубатов отменно рад, что ты смеёшься...» Смех Иванушки оказывается выгоден системе. Он смеётся вместо того, чтобы встать.^[1]

II. Анатомия «конфуза»: почему мягкий авторитаризм опаснее грубого

В «К читателю» — очерке, поставленном первым в «Сатирах в прозе» намеренно, как манифест — Щедрин формулирует то, что важнее всего для понимания цикла. «Силе можно ответить силою же; глупости и пустословию отвечать нечем». Это не просто наблюдение — это описание механизма самовоспроизводства.^[2]
^[3]

«Эпоха конфуза» — когда Зубатов перестаёт говорить «го-го-го» и начинает «хи-хи-хи», сажает просителей на стулья и спрашивает про «статистику» — не является смягчением режима. Она является его **переизданием в защитной оболочке**. «Наш конфуз — временный; наш конфуз... означает неумение. Мы конфузимся, так сказать, скрепя сердце... завтра же, если мы изыщем средства, мы жамкнем». Но пока он конфузится — к нему нельзя применить ни ту критику, которую заслуживают Удар-Ерыгины, ни ту силу, которая могла бы противостоять Угрюм-Бурчеевым.^[3]

Что ещё хуже: «конфуз» заражает и тех, кто ему противостоит. Мыслящее меньшинство умиляется, когда слышит правильные слова из неправильных уст, — «вас поражает здесь не дело, а только звук». Старый либерал Иван Антоныч, ругавший бюрократию на всю длину вагона, мгновенно расцветает при слухе о должности. Женоподобный господин произносит «self-government», имея в виду «la libre initiative des poméschiks» — помещичью вольницу. Новое вино в старых мехах не только не бродит — оно превращается в уксус.[3]

III. Три ложных выхода, которые Щедрин закрывает

Прежде чем говорить о том, что Щедрин предлагает, нужно понять, что он категорически отвергает.

Манная каша

«Возрождение! бесспорно, ты хорошая вещь... но где же, в каком отдалённом Умнове, видано, чтоб ты подавалось в виде манной каши с маслом изумлённым твоим появлением посетителям обязательного табльдота?!» Манная каша — это реформа, преподнесённая так, что она не требует ни усилий, ни пробуждения. Мягкое, разжёванное, безопасное изменение сверху. Новоглуповец надевает новый костюм, учится говорить «self-government» и называет это прогрессом. Иванушку при этом по-прежнему едят — только теперь с прибаутками поменьше.[1]

Щедрин знает: **реформа, не требующая от человека внутренней работы, ничего не меняет.** Она лишь обновляет декорации для той же пьесы.[4]

Путь напролом

«Если пойдешь напролом — сразу заклюют Удар-Ерыгины». Щедрин описывает это с беспощадной честностью. Прямое столкновение с системой в Глупове обречено: не потому что система сильнее, а потому что общество не готово — «народная масса не доросла до сознательного протеста, до понимания

необходимости коллективной самозащиты». Человека, избитого за неподчинение чиновнику, толпа не поддержала — «развратно и подло хохотала». Тот самый смех Иванушки, но уже над чужой болью.[4]

Это не приговор народу. Это диагноз: нельзя опереться на то, чего ещё нет. Буянов (стихийный бунт) ломится сквозь чащу, как Топтыгин — он всё разрушает, но не созидает. «Из города Глупова дорога в Умнов лежит через Буянов, а не через манную кашу» — эта фраза часто трактуется как призыв к революции. Но Щедрин сказал её с горечью, а не с торжеством: дорога через Буянов существует, но это не значит, что она хороша.[2]

Кружковое самодовольство

«Мысль человеческая никак не может признать кружка за мир» — и в этом третий ложный соблазн. Закрыться в меньшинстве правых, греться в кругу единомышленников, чувствовать своё интеллектуальное превосходство над «свиными рылами» и считать это достаточным. Щедрин смотрит на это с презрением. Кружок — оазис, но оазис в пустыне, и пустыня от этого не исчезает. «Дело, настоящее дело, не в кружке, а вне его, и именно в той тёмной области».[3]

IV. Что Щедрин всё-таки предлагает: три условия пробуждения

При всём пессимизме Щедрин — не нигилист. У него есть программа. Она выстрадана, потому что проверена им на себе: он сам был вице-губернатором, сам пытался действовать внутри системы, сам испытал, как «конфуз входит пудами, а выходит золотниками».[3]

Первое: героизм мысли, доведённой до энтузиазма

В «К читателю» есть ключевой образ: «мысль, доведённая до энтузиазма, — вот та вулканическая сила, которая из сокровенных недр толпы выбрасывает исторических деятелей, вот та неистоцимая струя, которая, капля по капле, неотступно долбит камни невежества и предрассудков». Не настроение, не

порыв — именно **мысль**, ставшая страстью. Щедрин настаивает: «Только доведённая до героизма мысль может породить героизм в действиях». Это значит: не действие ради действия, не бунт ради бунта — но и не мысль ради мысли. Мысль должна перегореть в убеждение, убеждение — в поступок.[4][3]

Здесь и скрыт ответ на вопрос, почему реформы не работают: они приходят от людей, у которых есть «убеждения затылка, убеждения брюшной полости, но отнюдь не убеждения мысли». Камзол крашен в зелёный, но ткань та же.[3]

Второе: беспощадное отрицание лжи — вместо снисходительности к «меньшей сумме зла»

«Необходимость отрицания последних. Да, именно отрицания, упорного, беспощадного отрицания, потому что эти бессмысленные фиоритуры либерализма... мешают послушать простой и честный мотив его». Щедрин здесь предельно точен: главный враг — не Удар-Ерыгин, а **культура оправдания меньшего зла**. «Переходная эпоха, в которую будто бы допускается безнаказанно нести чушь и на которую... сваливаешь всякую современную нечистоту» — вот главный механизм самопродления системы.[3]

Каждый раз, когда мыслящее меньшинство умиляется, услышав правильное слово из неправильных уст, оно не приближает перемены — оно их откладывает. Снисходительность к «добрым малым» с дурными принципами есть не добродетель, а «стачка с неправдою».[3]

Третье: опора исключительно на собственные убеждения

«В наших собственных убеждениях, в жизненности наших собственных сил должны мы исключительно искать для себя опоры, и ни в чём ином». Это звучит как формула одиночества. Но Щедрин имеет в виду другое: меньшинство мыслящих людей должно перестать искать легитимности у «умных» представителей системы и перестать ждать, когда «кто-нибудь придёт и зарубит на носу» — что значит возрождение. Это работа, которую никто не сделает за тебя. «Только в

непрерывном и неутомимом пробуждении лежит залог победы».
[4][1]

V. Иванушка, который не брыкнул: самый горький образ

Есть сцена в «Наших глуповских делах», которую невозможно читать без комка в горле. Воронка выводят из конюшни и подводят к оглоблям — он не хочет идти, он вздыхает, дрожат его мясистые губы. «Я видел, как прошибла тебя слеза... Но ты не изменил обычаям праотцев, ты не исказил одним махом задних копыт истории Глупова, ты не брыкнул — хвалю тебя!» Сарказм последней фразы разрывает сердце. Не потому что воронок плохой — он несчастный. Но в отличие от людей у него нет выбора. У Иванушки — есть.[1]

В этом образе весь Щедрин. Он не злится на народ. Он скорбит о нём. «Пахнуло на тебя свежим воздухом?.. Или почуял ты, что пришёл конец твоему гореваньицу, тому злему-лютому гореваньицу, что и к материнским сосцам с тобой припадало, что и в зыбке тебя укачивало, что и в песнях тебе подтягивало?..» Этот вопрос обращён к читателю напрямую. Через сто шестьдесят лет — всё так же напрямую.[1]

VI. «Оно» как горизонт: финал «Истории одного города»

В финале «Истории одного города» появляется образ, который не поддаётся однозначному толкованию — и именно поэтому он самый честный. Угрюм-Бурчеев успеваает произнести: «Придёт...» — и исчезает. «История прекратила течение своё». «Оно» — это не революция и не апокалипсис, это **то, что приходит, когда история исчерпывает терпение**. Щедрин не даёт ему имени, потому что не знает его. Но он знает, что оно придёт.[5]

Между этим «придёт» и сегодняшним днём — весь Щедрин. Он не предлагает формулы. Он предлагает **позицию**: не спать. Не конфузиться в угоду начальству. Не умиляться правильным

словам из неправильных уст. Хранить «в чистоте... свои идеалы, ибо только доведённая до героизма мысль может породить героизм и в действиях». И понимать, что «из города Глупова дорога в Умнов лежит через Буянов, а не через манную кашу» — но при этом не путать Буянова с целью. Умнов — это цель. Умнов — это там, где думают.[2][4]

Вместо заключения: зеленеющие оазисы

В «К читателю» есть образ, который Щедрин держит как последний огонёк. Мыслящее меньшинство — это «немногочисленные кружки, которые в самые безотраднейшие эпохи истории, несмотря на существующую окрест слякоть и темень, всё-таки прорываются там и сям, **как зеленеющие оазисы будущего на песчаном фоне картины настоящего**».[3]

Не острова, а оазисы. Острова отрезаны от материка. Оазисы — это места, откуда движутся дальше. Оазис не спасает пустыню, но он доказывает, что вода под ней есть. Что земля живая.

Щедрин не обещал выхода. Он обещал, что тот, кто не спит, — видит дорогу. Что тот, кто не конфузится и не умиляется, — слышит «простой и честный мотив» за шумихой пустозвонства. Что «вулканическая сила» мысли, доведённой до убеждения, когда-нибудь — «капля по капле, неотступно» — всё-таки продолбит камень.[3]

Это не много. Но это всё, что честный человек может сказать, не солгав.

References

1. [Наши глуповские дела \(Салтыков-Щедрин\)](#) - — Н-да; повар у меня таперича манную кашу какую-то на рябчиковом бульоне выдумал: пропасть рябчиков ...
2. [Проектная задача по по роману Салтыкова-Щедрина ...](#) - Сатирик утверждал: “Из Глупова в Умнов дорога лежит через Буянов, а не через манную кашу”. Сатирик р...

3. [Сатиры в прозе. К читателю](#) - ♦.♦. ♦♦♦♦♦♦♦♦-
♦♦♦♦♦♦♦♦. ♦♦♦♦♦♦♦♦ ♦♦♦♦♦♦♦♦. ♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦ //
♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦-♦♦♦♦♦♦♦♦ ♦♦.♦♦. ♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦
♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦ ♦ 20 ♦♦♦♦...
4. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Сатиры в прозе](#) - Здесь сатирик
выдвигает свое знаменитое определение эпохи реформы
как «эпохи конфуза», которое затем...
5. [Каков смысл финальной сцены в романе "История одного ...](#) -
Но в финале повествования мы видим образ загадочного
Оно, которое сметает Угрюм-Бурчеева. В этом нео...